

Кем бы не был Петр Мамонов: музыкантом, грузчиком, боллерщиком, режиссером, артистом или еще кем-нибудь, в первую очередь, он всегда был поэтом.

«Я не столько музыкант, сколько поэт по своему устройению, как я себя чувствую. Я и стихи давно пишу, и вообще у меня такой поэтический подход к действительности», – говорит он сам о себе.

Петр Николаевич Мамонов родился 14 апреля 1951 года, в Москве на Большом Каретном в доме № 17 (Сейчас здесь живет пятое поколение Мамонтовых, внуки Петра Николаевича). Отец был советским ученым, а мать – переводчицей шведской художественной литературы. Часто в доме собирались гости, московская интеллигенция. Среди них переводчица прозы и драматургии Елена Суриц, поэт-переводчик Константин Богатырев. Много разговоров об искусстве, литературе, поэзии. Маленький Петя прятался где-нибудь в уголочке и с жадностью вслушивался во взрослые разговоры. Ему это очень нравилось.

В школе учился очень плохо. Без конца хулиганил, устраивал драки. Его выгоняли из многих школ. Но у него всегда была пятерка по литературе. Он много

читал. Знал много стихов наизусть. Учителя литературы его очень любили.

Юность Петра Мамонова, прямо можно сказать, проходила в полном безумии. Много пил, бесконечные драки. В двадцать один год в саду «Эрмитаж» в очередной пьяной драке получил удар напильником в сердце. 41 день в реанимации в «Склифе». В первый же день, как только пришел в себя, сбежал из больницы, еле-еле перешел Садовое Кольцо на другую сторону, добрался до пивной, без очереди купил большую кружку пива, выпил и потерял сознание. Вот такая была жизнь на Большом Каретном. Но при этом душа его была полна нежности, любви, поэзии.

Не люблю я пьянство
В лихости костров,
Древнее шаманство
Первых петухов.

Не люблю я песни,
Грозные, как клич.
И пожары Пресни,
И восторгов дичь.

Не люблю я сказки
И совиный плач.
Реки крови красной
И знамен кумач.

Мне по сердцу ветер,
Глинистый овраг,
Давним солнцем светел
Желтый лист – мой стяг.

Выйду в поле утром,
Выпью утра сок,
И с волнением смутным
Гляну на Восток.

И блеснут сквозь окрик
Заполосных дней
Мне слепые окна
Родины моей.

Я долго не могла понять, как в одном человеке могло быть такое беспредельное безумие и такая нежность, любовь и верность к своей любимой Москве, к своей любимой Родине.

Петр был настоящий патриот. Позже, в начале «перестройки», когда он создал рок-группу «Звуки Му» и были бесконечные гастролы по Америке и Европе, он не выдерживал долгое пребывание за границей. Сидел в гостинице за закрытыми шторами, и только один вопрос «Когда домой?»

В Петре было две сущности. Одна – рокенрольная (Rok and Rol, что в переводе на русский язык крути-верти), другая сущность нежности и поэзии. Думаю, вторая и привела его к христианству. Но уж точно не первая. Первая разрушала его и разрушала все вокруг него. Вся юность Петра Мамонова была сплошное «крути-верти».

По началу Петр пытался использовать свои стихи в песнях. Но в той манере, в которой он их исполнял и под ту музыку, которую он издавал на своей гитаре, это было полное несоответствие. Тогда-то и появились хиты «Звуков Му»: «Серый Голубь», «Бутылка Водки», «Люляки-Баб», «Муха Источник Заразы» и другие.

Но хочу сказать вам, дорогие мои друзья, что ни одно стихотворение, так же как и ни одна песня не были написаны в пьяном состоянии. Только когда он был трезв и прекрасен.

Говоришь с ним, глядишь, а он и не слышит тебя. Стихи в душе, стихи в голове. И скорей за печатную машинку. До сих пор печатает только на своей печатной машинке «Ундервуд». Теперь к ней нет возможности купить печатную ленту. Так он её из Лондона привез.

В старости в этом состоянии, как я называю «отрешенности», он находился постоянно. Но не только из-за стихов, переполняющих его душу, а больше из-за постоянной молитвы. Он очень любил молиться. Он был глубоко верующий христианин.

Стихи лились бурным потоком. Но издавать их не разрешал. В 2000-м году я без разрешения издала маленький сборник, где собрала свои любимые стихи. Назвала «27 штук». Ругался. Очень сильно ругался. Пришлось на несколько дней сбежать из дома.

А когда ему исполнилось 70 лет, вдруг отдал мне все свои стихи и говорит: «На, издавай». Я очень обрадовалась.

И вот.

Получилось две книги. Книга первая – стихи с ранней юности и до 2017 года. Книга вторая – стихи с 2018 год по сегодняшний день.

Ольга Ивановна Мамонова
21.09.2021

Книга 1-ая

РАННЕЕ

* * *

Ухожу один я. Вечер.
Замечаю все подряд.
Спит трава, оврагов плечи
облупились и горят.

Облаков не видно. Ровно
над рекою и бело.
Дальний берег режет кромкой
неба мутное стекло.

Спит река. Темно и гладко.
Ветер замер в камышах.
День растаял без остатка,
тишина звенит в ушах.

* * *

Пустеет осень,
все сходит с рук.
И в цифру «восемь»
заплелся круг.

Рябину ветер
трясет мне вслед.
И так заметен
вчерашний след.

Я жду морозов,
чтоб смерзлась грязь.
Чтоб ветер слезы
сушил, крутясь.

* * *

Мне все так знакомо тут,
Столько одежд нашел я из тканей погоды.
Дождей пояса темно-серым цветут
В вишневом шкафу небосвода.

Ветров рукава плещут в желтую ночь,
Касаясь случайных прохожих.
И складки листвы опадающих роц
Хрустят черенками застежек.

* * *

Но вечер падает, сошла печаль лугов
и ночь всего меня заполонила.
Неизъясним, прекрасен и суров
кусок луны плывет, меня помимо.

* * *

Все было голубое, как стакан
стеклянный, опрокинутый вверх дном.
Но ветер наклонил его чуть-чуть
и гранями дождя блеснув, утих.

Все было золотое, как серьга,
повиснувшая в мочке длинных туч.
Но сумрак разогнул её дугу
и, в реку засмотревшись, уронил.

Все было мутно-белым, как фаянс,
обожженный в печи песков и трав.
Но молния ударила ребром
ладони по молочной тишине

и стало все другим...

Время умирать

Опять нас балует погода –
ночами тихие дожди
спешат спуститься с небосвода,
чтобы наутро не идти.

Опять чуть слышно дышат клены
между домов в просветах дня,
опять блестит темно-зеленым
полузабытая трава.

Туманы снова тени тянут
к последним листьям, но они
сопревшей грудой молча вянут
у ног иззябнувшей скамьи.

И их тяжелый мокрый ворох
хранит сырой земли печать.
Что толку в долгих разговорах.
Настало время умирать.

* * *

Переходы, мягкость линий,
обручальное кольцо.
Заперт вечер темно-синий.

Отступленья и потери,
бело-красные цветы.
Узкий луч открытой двери.

Время старое, седое
пухом в наволочках спит.
И луны лицо рябое.

Ночь

Стоят дома, подошвами подъездов
примерзшие к асфальтовым краям.
На стройке указатели объезда
бренчат о чем-то жестью фонарям.

Ключи

Слышу, кто-то на кухню прошел,
звякнул чашкой, тихонько вздохнул.
Ветер штору дыханием нашел
и ей на ухо что-то шепнул.

После дождя

Морковные цвета Москвы
Сквозь серо-пепельные годы
Румянцем дня закруглены
В пунцово-красные погоды.

Сырая зелень смотрит вниз
И ртуть последнюю роняет;
Покорный отблескам карниз,
Изгибом солнце вспоминает.

Бульвары молча ждут людей...
Решеток очерк карандашный.
Щека блестящих площадей
Ко мне повернута. На башне

Рукою согнутой в локте,
Готовой слабо опуститься,
Застыло время на черте
И ждет, нахохлившись, как птица.